

ПОВИНЕН В ОБЪЕКТИВНОСТИ

Статья предоставлена автором.

Последние публикации произведений Александра Яковлева, которые еще можно назвать регулярными, относятся к 80-м годам прошлого века: "Глухарь" в сборнике "Под чистыми звездами" (1983), "Жгель" в "Антологии русского советского рассказа (20-е годы)" (1985), "Мужик" в сборнике "Живая вода" (1986). Перечисленное - рассказы, а по нашему мнению, гораздо полнее талант писателя выразился в его крупных вещах. Но повести и романы, принадлежащие его перу, уже продолжительное время пребывают в забвении.

Александр Степанович Яковлев (настоящая фамилия - Трифонов-Яковлев) родился в 1906 году в городе Вольске, ныне входящим в состав Саратовской области, в семье маляра, в среде, которую увековечил своим знаменитым романом о раскольниках Мельников-Печерский. Позднее критики без энтузиазма будут отмечать, что в своих сочинениях, особенно ранних, Яковлев тяготеет к сказовой манере, что они перенасыщены диалектизмами, пословицами и поговорками, нередки в них и жаргонные выражения, а фразы, конструируемые автором, порой чересчур усложнены. Окончив городское училище, Александр Степанович 15-летним человеком включился в трудовую деятельность - на телеграфе и затем на почте. Некоторое время он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Легенды о волжских разбойниках, о Китеже-граде и Светлояр-озере им не забыты, и в 1922 году Яковлев пишет повесть "Повольники", изображая в ней начавшуюся "лет двести назад" вольницу династии Боковых, ушкуйников и в некотором роде борцов с существующей властью. Власть отвечала Боковым гонениями и казнями, но они всякий раз легко возрождались, пока дело не кончилось расстрелом на городском кладбище последнего из них, большого советского начальника, быстро подмявшего под себя округу и вместе с любовницей занявшегося систематическим ее ограблением. Этого последнего Бокова и его Ниночку казнят такого рода красноармейцы: "Подошел другой и молча, сопя, стал грубо и вместе деловито, привычно стаскивать черное пальто с Ниночкиных плеч". Советская власть еще только-только утверждается, а у ее воинов уже деловитость палачей, уже привычка к расправам? "Через минуту Ниночка в одном белье, с голыми круглыми руками и грудью, стояла среди этих грубых, тяжело суетливых людей". "Кругом щелкнули затворы. И лица - как железо". Такие вот аргументы, с которыми и знаменитой волжской вольнице спорить не приходится.

Присоединившегося к партии эсеров Яковлева дважды подвергали арестам. Он добровольно ушел на фронт санитаром в августе 1914 года и, свидетель немецкой газовой атаки, отравившей 20 000 наших солдат, впоследствии писал: "С этого утра война занозой сидит в сердце". Что происходит с человеком, для которого революция - явление не вполне понятное или даже случайное, Александр Степанович описал, как мы уже знаем, в "Повольниках", а также в повести "Октябрь" (1918) и в романе "Человек и пустыня" (1929), давно уже и пока безнадежно ожидающем прочного включения в отечественную классику. Как утвердившийся в "единственно правильном учении" и сформировавшийся советский писатель, он изобразил и удовлетворительным для партийной критики курсом идущее становление человека в революционную эпоху - в повести "Без берегов" (1924), в рассказе Жгель" (1926), в романе "Пути простого сердца" (1935). Пребывание на Севере, в частности, участие в спасении экспедиции Нобиле и поисках пропавшего Амундсена, побудило писателя к созданию книги очерков "Ледовый поход "Малыгина" (1929) и документального романа "Жизнь и приключения Роальда Амундсена" (1932). Писал он и для детей: "Босые пятки" (1925), "Сказки моей жизни" (1927), а в 1936 году отличился сочинением повести "Пионер Павел Морозов", по которой три года спустя составил и пьесу. Умер Александр Степанович в 1953 году.

Его литературное наследство велико. Советская критика, признавая его большим писателем, любила указывать, что в ранних произведениях Яковлев грешил чрезмерным объективизмом и уделял слишком много внимания враждебному революции лагерю, а в поздних склонился к отвлеченному гуманизму. И если "недостатки" раннего Яковлева она вяловато объясняла пережитками эсерства - нелегко ведь было все-таки ему сразу взять да перекинуться от прежних товарищей к новым, более правильным, - то "гуманизм без берегов" попросту не вмещался в ее понятия, и о пронизанных им произведениях писателя она предпочитала отзываться как о несущественных. Можно сказать, что значительной критики, посвященной творчеству Яковлева, и нет вовсе, но та, что есть, учит нас чтить его ранне-революционные произведения, а на прочие смотреть как на сочиненные по привычке к